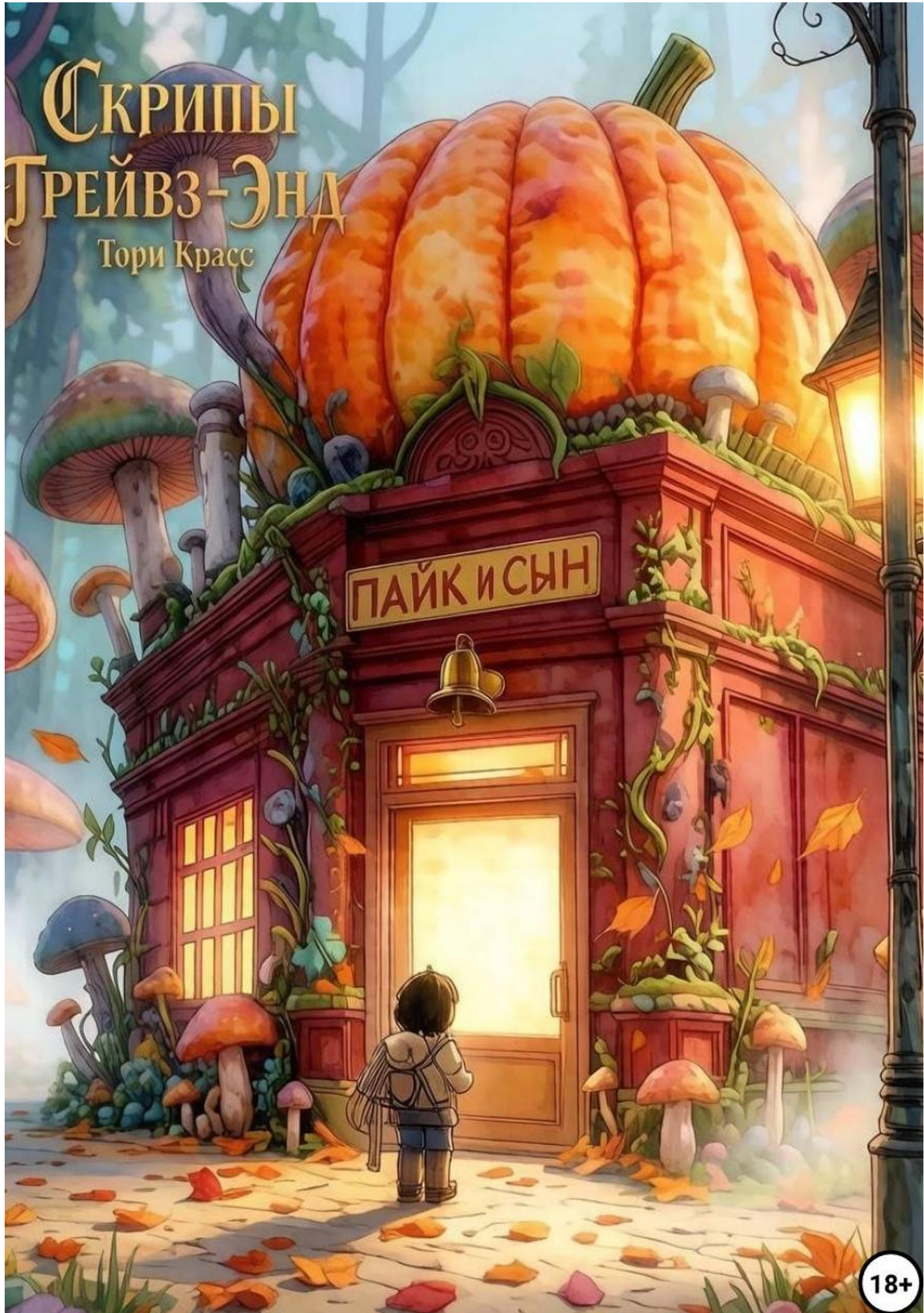

СКРИПЫ ТРЕЙВЗ-ЭНД

Тори Красс

Тори Красс

Скрипы Трейвз-Энд

«Автор»

2026

Красс Т.

Скрипы Трейвз-Энд / Т. Красс — «Автор», 2026

Грейвз-Энд — маленький город, затерянный среди гигантских осенних грибов. Его жители привыкли к странностям: к домам с тыквенными крышами, к падающим листьям, которые летят не вниз, а вбок, и к скрипу половиц, который можно услышать даже тогда, когда в доме никого нет.

Тори Красс

Скрипы Трейвз-Энд

Глава 1. Город, который скрипит во сне

Никогда не верь тишине Грейвз-Энда. Если город замолчал — значит, он либо молится, либо прячется.

— из записной книжки Флоры Нокс

Август Пайк задвинул шпингалет и прижал ладонь к стеклу. Когда убрал руку, на холодной поверхности остался тёплый отпечаток, который медленно таял от краёв к центру, будто окно выдыхало его обратно.

За стеклом по Бёрч-стрит ветер тащил первые жёлтые листья. Они летели не вниз, а вбок — рывками, словно кто-то невидимый дёргал их за нитки. Один лист ударился о стекло напротив лица Гуса, прилип на секунду и сполз, оставив мокрую полосу. Гус проследил за ним взглядом. Лист не долетел до тротуара. Поднялся снова, крутанулся на месте и влетел в открытую форточку пекарни миссис Готье.

Гус подождал. Из форточки никто не закричал, не высунулся, не выбросил лист обратно. В окнах пекарни было темно.

— Уже началось, — сказал он вслух.

Слова прозвучали глухо, будто их накрыли подушкой. Гус потёр переносицу, отошёл от окна.

Часы в приёмной щёлкнули.

Стрелка перепрыгнула с семи на восемь, хотя за окном едва рассвело. Гус снял часы со стены, встряхнул, поднёс к уху. Внутри что-то тихо шелестело — как песок в перевёрнутых песочных часах, только медленнее. Он повесил часы обратно, поправил, чтобы висели ровно.

Эти часы показывали не время.

Похоронное бюро «Пайк и Сын» стояло на пересечении Бёрч-стрит и Тихого переулка. Дом старый, тёмно-красный, с белыми наличниками, которые давно просили краски. Над крыльцом висела вывеска: «ПАЙК И СЫН. ПОХОРОННЫЕ УСЛУГИ. С 1897 ГОДА». Буквы выцвели неровно: «ПОХОРОННЫЕ» почти исчезло, зато «С 1897» держалось крепко, будто дата имела больше значения, чем название.

Никакого сына у Августа не было. Только вывеска, доставшаяся от отца, и привычка не спорить.

На конторке, рядом с бланками, стояла фотография отца — чёрно-белая, в простой деревянной рамке. Гус поправил её, когда вытирал пыль. Рамка была холодной. Он хотел перевернуть снимок, проверить, не выцвел ли, но не стал. Не сегодня.

Клиент с утра не пришёл.

Гус спустился в подвал, проверил холодильную камеру, поправил простыню на теле старика Финча, который умер три дня назад, но до сих пор не был похоронен. Родственники тянули с датой, спорили о наследстве и, кажется, просто забыли, что старик всё ещё здесь.

Гус не злился. Мёртвые умеют ждать лучше живых.

Он вернулся в приёмную, заварил чай, но пить не стал. Поставил кружку на подоконник и посмотрел на неё. Пар поднимался ровным столбом, не колеблясь. В старом доме всегда был сквозняк, пар всегда клонился в сторону двери, будто кто-то невидимый дышал на него.

Пар стоял прямо. Никто не дышал.

Гус вылил чай в раковину.

Кора Блэквуд пришла без звонка.

Гус услышал её шаги раньше, чем открылась дверь: каблуки стучали ровно, без суеты, с той особой уверенностью, которая выдаёт либо полицейского, либо женщину, привыкшую, что перед ней расступаются. Стук приближался, делался громче, потом смолк у самого крыльца.

Колокольчик над входом звякнул и захлебнулся — как всегда, когда входила Кора. Металл не любил её. Или, наоборот, слишком хорошо знал.

— Доброе утро, Август, — сказала она, переступая порог. — У тебя пахнет мокрой шерстью. Это клиент или ты наконец завёл собаку?

Гус вышел из-за конторки, вытирая руки полотенцем.

— Это твой шарф, — сказал он и кивнул на вешалку.

Кора замерла. Потом медленно, как женщина, которая не привыкла признавать промахи, подошла к крючку. Серый клетчатый шарф висел там, насквозь пропитанный дождём, который шёл три дня назад. Кора взяла его двумя пальцами, поднесла к лицу, поморщилась.

— Я его не забыла, — сказала она и бросила шарф обратно на крючок. — Я оставила его нарочно.

— Зачем?

— Вещи держат якорь. В твоём доме теперь есть мой след. На случай, если из архива придётся уходить быстро.

Она стянула перчатки, сунула их в карман пальто и прошла к столу. Села, положила ногу на ногу, достала из сумки папку из плотного серого картона, перетянутую бечёвкой. Поставила перед собой, как ставят пистолет.

— Вчера вечером я слышала в архиве детский смех, — сказала она. — В зале, где хранятся дела умерших. Тихий. Один раз.

Гус снял передник, перекинул через спинку стула и сел напротив.

— И что ты сделала?

— Включила свет. Смех оборвался. А когда я вышла, у дверей лежала вот эта папка.

Она замолчала. Взяла со стола скрепку, разогнула её и снова согнула.

— Ещё в архиве перестали скрипеть половицы, — добавила она.

— Совсем?

— Я прошла по всем трём залам. Тишина, как в...

Кора не договорила. Скрепка в её пальцах сломалась. Она отложила обломки на край стола, выравнивая их, будто это имело значение.

— Что в папке? — спросил Гус.

— Я надеялась, что ты мне скажешь.

Он подтянул папку к себе, сдёрнул бечёвку. Та подалась с тихим, почти извиняющимся шорохом. Внутри лежал один лист — не бумага, а что-то сухое, полупрозрачное, с тонкими прожилками. По краям он крошился, как старый гербарий.

Лист тыквы.

Гус потянулся к нему.

— Не трогай голыми руками, — сказала Кора.

Он остановился. Достал из ящика стола чистый носовой платок, обернул пальцы и только тогда взял лист. Ткань сразу стала холодной, будто её вынули из ледяной воды.

— Нулевое дело, — произнесла Кора. — Исчезло из архива три дня назад. Сегодня утром я нашла папку на своём столе. Пустую. А лист лежал отдельно, под половицей в третьем зале. Я не знаю, кто его туда положил.

Гус поднял взгляд.

— Под половицей? Кто знает про тайники в архиве?

— Я. Ты. И тот, кто умер сто лет назад, но не перестал туда приходить.

Она забрала у него лист, убрала обратно в папку и завязала бечёвку. Движения были быстрые, точные, как у медсестры, которая делает перевязку.

— Оставь у себя, — сказала она, пододвигая папку к нему. — В архиве ему небезопасно.

— А у меня?

Кора поднялась, одёрнула манжеты.

— У тебя, Август, единственное место в городе, куда даже смерть заходит через парадный вход, а не через стену.

Она подошла к двери, взялась за ручку, помедлила.

— И ещё. Тот, кто вынес Дело № 0, не смог бы покинуть здание архива. Там стоит старая защита, довоенная. Значит, лист вынес не человек.

— А кто?

— Вот это ты и должен выяснить. Ты ведь у нас специалист по несостыковкам.

И вышла.

Колокольчик звякнул. В этот раз он не захлебнулся, а прозвенел долго, как будто проводил её неохотно.

Гус остался один.

Он отнёс папку в кладовку, нашёл старую жестяную коробку из-под печенья, в которой держал всякую мелочь: пуговицы, гвозди, сломанные застёжки. Вытряхнул содержимое на пол, протёр коробку рукавом, положил внутрь лист тыквы и закрыл крышку. Потом поставил коробку на верхнюю полку шкафа, за банки с воском для свечей.

Подумал. Достал коробку. Переставил на нижнюю полку, к старым траурным лентам.

Ещё раз подумал. Убрал коробку в ящик собственного стола, под стопку бланков, которые никто не заполнял с прошлой зимы.

Он не знал, что делает. Знал только, что лист нельзя оставлять на виду. Не потому, что его могли украсть. А потому, что он сам не мог перестать на него смотреть.

В полдень Гус вышел на улицу.

Грейвз-Энд лежал перед ним, как человек, который заснул с открытыми глазами. Машины стояли у обочин, но ни одна не ехала. Над трубой пекарни миссис Готье не поднимался дым. На витрине кондитерской «Сладкий полдень» висела табличка «Открыто», но дверь была заперта, а внутри не горел свет.

Гус шёл по Бёрч-стрит, сунув руки в карманы. Город не был пустым — в окнах иногда мелькали лица, но стоило повернуть голову, как они исчезали. Люди не выходили. Люди ждали.

На углу, у магазина игрушек «Мистер Грум и Ко», стояла пустая детская коляска. Гус замедлил шаг. Коляска была старая, с облезлым капюшоном, на ручке — завязанная синяя лента. Внутри лежала детская перчатка. Маленькая, серая, с вышитой на запястье буквой «О».

Гус взял перчатку. Она была сухая и тёплая, как будто её сняли только что.

Он оглянулся. Улица молчала. Окна магазина игрушек были тёмными, но за стеклом, в глубине, едва заметно покачивался на нитке картонный скелет — старый, пожелтевший, с одной оторванной ногой.

Гус сунул перчатку в карман. Он не знал, зачем. Но рука сама сделала это, как делают, когда подбирают с земли чужую беду, потому что оставить её там — ещё хуже.

Дом Флоры Нокс стоял в конце Кривой улицы. Дорога к нему действительно кривилась, как позвоночник человека, который всю жизнь гнулся под чужой работой. Слева тянулся забор из неошкуранных досок, справа — канава, в которой даже осенью что-то зеленело и цвело.

Калитка была открыта. Гус постучал по дереву, вошёл во двор и сразу наступил на клумбу. Под ногой что-то хрустнуло. Он посмотрел вниз — под ботинком лопнула маленькая

тыква, круглая, как кулак ребёнка. Из неё на землю вытекло что-то тёмное, пахнущее не то вареньем, не то сырой землёй.

— Это не ты, — раздался голос с крыльца.

Гус поднял голову.

Флора Нокс сидела на ступеньке, держала на коленях миску с луковицами и смотрела на него из-под полей соломенной шляпы, которую носила в любое время года, чтобы «не путать тени с мыслями».

— Не я, — согласился Гус.

— Я говорю, это не ты раздавил. Она сама лопнула.

Флора поднялась, отряхнула юбку. Наклонилась, подняла раздавленную тыкву, поднесла к лицу, понюхала.

— В этом году они гниют изнутри. Сладкие, а уже мёртвые.

Помолчала.

— Как люди перед праздником.

Была она невысокая, сухая, с руками, которые знали, как выдёргивать корни и зашивать раны. На правом запястье у неё краснела нитка — не то оберег, не то просто примочка, в которую она заворачивала тоску.

— Зачем пришёл, Август? — спросила она. — Если по поводу похорон, то я ещё не умерла. Если по поводу листьев, то я не знаю. Если по поводу Кору, то она снова прячется за твою спину.

— У меня в кармане кролик, — сказал Гус.

Флора прищурилась.

— Заходи.

Внутри пахло сухими яблоками, воском и чем-то горьким, как корень цикория. Флора усадила Гуса за стол, придвинула чашку, но не налила. Вместо этого села напротив, сложила руки перед собой и посмотрела на него, как смотрят на пациента, который ещё не знает, что болен.

— Показывай, — велела она.

Гус выложил на стол кролика. Потом, помедлив, достал из кармана детскую перчатку с буквой «О» и положил рядом.

Флора не притронулась. Она смотрела на вещи долго, не мигая. Потом поднялась, подошла к буфету, достала банку с сушёной полынью и поставила рядом.

— Чтобы не слышал, — пояснила она.

— Кто?

— Тот, кто их тебе подбросил.

Флора села, придвинула кролика к себе, перевернула лапой вверх. Там, где у игрушек обычно вышивают сердце, темнела бурая полоска. Она поскребла её ногтем.

— Это не кровь, — сказала она. — Это засохший сок. Тыквенный.

Потом взяла перчатку, расправила её на столе, провела пальцем по вышитой букве.

— А это уже серьёзнее.

— Почему?

— Потому что перчатку Оскара похоронили вместе с ним тридцать лет назад.

Гус почувствовал, как в комнате стало тише. Мухи, вившиеся под потолком, сели на балку и замерли.

— Его звали Оскар, — сказал он.

Флора качнула головой.

— Уже знаешь.

— Догадываюсь.

— Тогда знай и другое. Оскар не умер. Его забрали.

— Кто?

— Не кто. — Флора наконец налила ему тёмного отвара. — А что. Его забрала осень. Настоящая. Та, что приходит не по календарю.

Гус не стал пить. Он ждал.

— Ты принёс его вещи, — продолжала Флора. — Значит, он уже начал возвращаться. И если он пришёл к тебе, а не к мэру, не к архиву, не к церкви, — это значит одно.

— Что?

— Город выбрал тебя.

Гус посмотрел в чашку. Отвар был чёрный, маслянистый, и в нём, как в зеркале, отражалась лампочка под потолком — но не целиком, а только её свет, без провода, патрона, просто тёплое пятно, дрожащее в темноте.

— Мне не нравится, когда меня выбирают, — сказал он.

— А городу всё равно, — ответила Флора.

Он ушёл от неё, когда солнце уже цеплялось за крыши. Сумерки в Грейвз-Энде приходили не постепенно, а сразу, будто кто-то накрывал город колпаком.

Гус шёл по Кривой улице и думал. Кролик лежал во внутреннем кармане, тёплый, как живой. Перчатка — в другом кармане, и от неё шёл холод, будто она всё ещё помнила подземелье.

Он не верил ни в «настоящую осень», ни в то, что город умеет выбирать. Но он знал, что сегодня утром стрелка часов перепрыгнула с семи на восемь, а потом часы остановились вовсе. И что листья летели вбок.

И что Кора Блэквуд, демон с безупречным вкусом и ледяным спокойствием, впервые сломала скрепку в руках.

Вернувшись в бюро, он не стал включать верхний свет. Зажёг настольную лампу, сел за стол и выложил перед собой всё, что у него было: пустую папку со штампом архива, лист тыквы в жестяной коробке, плюшевого кролика, детскую перчатку с буквой «О» и фотографию отца, которую он снял с конторки.

Пять предметов. Пять вопросов.

Кролик — кому принадлежал?

Папка — кто опустошил?

Лист — зачем он пьёт тепло?

Перчатка — как выбралась из могилы?

Фотография — почему он снял её с полки?

Гус перевернул фотографию. На обороте синими чернилами, почерком отца: «Не открывай до первого скрипа».

Он не помнил, чтобы читал эту надпись раньше. Он видел эту фотографию тысячу раз, но никогда не переворачивал.

В доме скрипнуло.

Гус поднял голову.

Звук шёл не из коридора. Он шёл сверху, из комнаты, которой в этом доме не было.

Гус встал.

Глава 2. Дом, где пахнет патокой

Грейвз-Энд не сразу показывает зубы. Сначала он угощает тебя чаем. Потом смотрит, как ты пьёшь.

— из записной книжки Флоры Нокс

Гус стоял у подножия лестницы и смотрел вверх.

Скрип повторился. Теперь он был ближе к площадке второго этажа — сухой, короткий, как треск рассохшегося дерева. В доме было темно, только из приёмной пробивался жёлтый свет настольной лампы, и он ложился на ступени неровными полосами.

Гус не двинулся с места. Он слушал.

В старых домах всегда что-то оседает, вздыхает, трётся о плинтусы. Он знал этот язык. Но то, что звучало сейчас, не походило ни на отопление, ни на ветер, ни на мышей.

Это был шаг. Один. Потом тишина. Потом снова — уже тише, как будто кто-то поднялся на цыпочки.

Гус подошёл к лестнице, положил руку на перила. Дерево было ледяным.

— Эй, — позвал он.

Тишина сгустилась. Даже сквозняк перестал трогать занавеску на двери.

Он поднялся на первую ступень. Не потому, что был храбр. А потому, что дом принадлежал его семье больше ста лет, и если в нём завелось что-то чужое, он имел право знать это в лицо.

На третьей ступени пахло патокой.

Сладко, густо, тошнотворно. Как в детстве, когда он перевернул банку с вареньем и долго слизывал его с пальцев, пока живот не скрутило. Только теперь к запаху примешивалась сырость — запах подвала, где хранят не продукты, а то, что не должно было проснуться.

— Оскар, — сказал Гус.

Наверху что-то упало. Не разбилось, а именно упало — мягко, как тряпичная кукла.

Гус преодолел остаток лестницы в три широких шага. На площадке второго этажа было пусто. Только у стены, под старым комодом, лежала маленькая деревянная лошадка. Гус точно знал: этой лошадки никогда не было в его доме.

Он присел. Лошадка была вырезана грубо, ножом. На боку — буква «О».

Гус взял её за гриву. Дерево было тёплым.

Внизу, в приёмной, зазвенел колокольчик.

Он спустился быстро, но не побежал. В приёмной горела лампа. У двери, опустив капюшон, стояла женщина. Лет шестидесяти, в сером плаще, с зонтом, с которого стекала вода, хотя на улице не было дождя.

— Вы закрываете? — спросила она.

Голос сухой, как прошлогодние листья. Гус не сразу ответил. Он сжимал в руке деревянную лошадку, и та всё ещё была тёплой.

— Мы уже закрылись, — сказал он.

— Жаль. Мне сказали, вы не задаёте лишних вопросов.

Она сняла капюшон. Лицо обычное, усталое, с глубокими складками у рта. Глаза не мигали. Гус умел замечать такие вещи.

— Кто вам сказал?

— Одна дама из архива. Сказала, что у вас спокойно. И что вы умеете хранить вещи.

Гус сунул лошадку в карман. Та звякнула о перчатку Оскара, и звук вышел глухой, как будто две мёртвые вещи узнали друг друга.

— Что вам нужно? — спросил он.

— Оставить у вас кое-что. До утра.

Женщина достала из-под плаща свёрток. Небольшой, завёрнутый в плотную коричневую бумагу, перевязанный бечёвкой. Положила на конторку. Руки у неё были мокрые, как после дождя.

— Это не опасно, — добавила она. — Просто вещь, которая не должна лежать в доме, где есть дети.

— А что это?

— Я не знаю. Мне велели передать. Сказали: «Пайк поймёт».

Гус смотрел на свёрток. Бумага была тёплой. По конторке уже расползлось едва заметное пятно, будто свёрток потел.

— Кто вас послал?

Женщина покачала головой.

— Я не помню. У меня сегодня всё путается. Вроде бы вышла из дома утром, а на улице уже вечер. Вроде бы дошла до церкви, а оказалась у вашего крыльца. Но зонт мокрый. Значит, дождь был.

Она отступила к двери. Колокольчик качнулся, но не звякнул.

— До утра, — повторила женщина. — Просто подержите.

И вышла. Дверь за ней закрылась беззвучно.

Гус остался один. На конторке лежал свёрток. В кармане лежали деревянная лошадка и перчатка. А наверху, на площадке второго этажа, комната, которой не существовало, снова начала дышать.

Спать он не лёг.

Сначала отнёс свёрток в подвал. Положил на свободную полку рядом с инструментами, накрыл старой мешковиной. Пятно на бумаге к тому времени потемнело и стало похоже на расплывшийся силуэт — не то дерево, не то человека без лица.

Гус поднялся в приёмную, заварил чай во второй раз. Теперь пил. Пар снова стоял прямо, но он заставил себя не смотреть.

Он сел за стол, включил старую лампу с зелёным абажуром и разложил перед собой предметы:

— лист тыквы в жестяной коробке;

— плюшевый кролик;

— детская перчатка с буквой «О»;

— деревянная лошадка;

— фотография отца с надписью «Не открывай до первого скрипа».

Пять вещей. Пять хвостов, тянущихся в разные стороны.

Гус взял фотографию. Отец на снимке был моложе, чем Гус сейчас. Стоял на фоне старой липы, улыбался одними губами, будто заранее знал, что жизнь обернётся не так. Или, наоборот, знал, что всё обернётся так, как должно.

Надпись на обороте сделана чернилами, которые от времени стали сине-коричневыми. «Не открывай до первого скрипа».

Гус перевернул фотографию лицевой стороной вниз. Под стеклом, между картоном и снимком, что-то белело. Краешек бумаги. Он не стал доставать. Положил фотографию в карман пиджака, поближе к сердцу, где уже лежали чужие вещи.

К утру город так и не проснулся.

Гус вышел на крыльцо в начале восьмого. Воздух был холодный, но не осенний, а стоячий, как в закрытой комнате. Туман лежал на мостовой слоями, не поднимался. Фонари горели, хотя солнце уже пыталось пробиться. Свет казался грязным, будто его разбавили водой.

Он прошёл мимо пекарни. На витрине, за стеклом, лежали вчерашние булочки. На одной сидела муха. Не двигалась.

Дальше — улица Сапожников. Там был бар «Кривой фонарь», в котором Гус иногда брал табак. Дверь бара была приоткрыта. Изнутри пахло пивом и чем-то кислым. Гус заглянул. Бармен, старый Лу, стоял за стойкой и протирал стакан одним и тем же круглым движением. Стакан был сухой.

— Лу, — позвал Гус.

Бармен не обернулся.

— Лу.

Тишина. Только полотенце шуршало по стеклу — вжик, вжик, вжик.

Гус вошёл. Под ногами хрустнул каштановый лист, занесённый ветром. Звук вышел оглушительно громким.

Лу медленно повернул голову. Глаза у него были мутные, как вода после мытья полов.

— Пайк? — голос скрипнул, как разошедшаяся дверь. — Ты сегодня тоже не спишь?

— Я сплю, — сказал Гус. — Просто город не даёт.

— А кому он даёт? — Лу швырнул полотенце на стойку. — Третий день одно и то же. Люди приходят, молчат, пьют по одной рюмке. И не пьянеют.

— Что значит — не пьянеют?

— А то и значит. Я им наливаю, они смотрят в стакан, как в зеркало. Потом уходят. Деньги оставляют. Водка на месте.

Гус подошёл к стойке. Лу уже наливал себе. Стакан дрожал в его руке.

— Может, тыливаешь из одной бутылки? — спросил Гус.

— Из трёх, Пайк. Из трёх. Вчера откупорил новую. Следил. Они не пьют. Они просто греются.

— Греются?

— Об стакан. Ладонями. Будто свет в нём.

Гус перевёл взгляд на окно. На подоконнике лежал тонкий слой пыли, в котором кто-то нарисовал круг. Внутри круга — три точки.

— Лу, — сказал он, — а в твоём баре раньше пахло патокой?

Бармен замер. Потом медленно опустил стакан.

— Ты тоже чувствуешь?

— А ты?

— С утра. Сладко. Как будто мёд протух.

Они замолчали. За окном прополз туман. Внутри бара снова стало тихо, но теперь эта тишина была другой — натянутой, как простыня на лице.

Гус положил на стойку пару монет.

— Если кто-то начнёт пить по-настоящему, дай знать.

— А если не начнёт?

— Тогда не открывай после заката.

Лу ничего не ответил. Только посмотрел на стакан, в котором не было ни капли, и снова принялся его протирать.

Дальше Гус пошёл не к архиву, а к реке.

Трейвз-Энд стоял на слиянии двух рек — Чёрной и Светлой. Так их называли старики, хотя на картах обе значились как Западный приток. Чёрная была мелкая, холодная, дно у неё было илистое, и даже в июле от воды тянуло подвалом. Светлая — быстрая, с белыми камнями по берегам. Они сходились у старой мельницы, и дальше текла уже одна река, без имени.

Гус свернул к мельнице, когда заметил, что туман расступается ровно перед ним и смыкается за спиной, как занавес.

Вода шумела глухо, будто говорила вполголоса. На берегу, у самого слияния, кто-то стоял.

Гус не сразу узнал мэра.

Сайлас Грейвз выглядел не как человек, который управляет городом, а как человек, который пытается вспомнить, как это делается. Пальто висело на нём мешком. Шляпу он держал в руке, хотя ветра не было. Ботинки утопали в мокром песке.

— Господин Пайк, — сказал он, не оборачиваясь. — А я всё думал, кто первый догадается прийти сюда.

Гус остановился в паре шагов.

— Я не догадывался. Ноги сами привели.

— Это одно и то же. В нашем городе голова и ноги давно не советуются друг с другом.

Мэр обернулся. Лицо загорелое, будто он неделю провёл на юге. Но Гус знал: Сайлас не выезжал из Грейвз-Энда с весны.

— Вы что-то знаете, — произнёс Гус.

— Я знаю, что река сегодня тёплая. А это плохо. Вода в это время года должна обжигать, а она — как чай из-под крана.

Он шагнул к Гусу. Песок под его ботинками не скрипнул.

— У меня для вас просьба, Пайк. Не ищите лист.

— Какой лист?

— Не притворяйтесь. Вы его видели. Она вам его показывала.

— Кто?

— Блэквуд. Вы же вместе работаете. Или я ошибаюсь?

Гус ничего не ответил. Мэр смотрел ему в глаза, не мигая. Вблизи было заметно: загар на его лице лежал неровно, у самых корней волос, будто кожа не выгорала, а менялась изнутри.

— Если лист найдётся, — продолжил Сайлас, — всё пойдёт по кругу снова. Архив, отчёты, Врата. А если нет... — он развёл руками, — впервые за много лет город сможет просто жить. Без этого балагана.

— Это не балаган, — сказал Гус. — Это договор.

— Договор можно пересмотреть.

— Пересмотреть? Вы даже не знаете, кто его составил.

— Зато вы знаете. И Блэквуд знает. Но молчите. Это удобно.

Он шагнул ещё ближе. Теперь их разделяло не больше ладони. От мэра пахло не одеколоном, а сухой полынью, как будто он выпил настойку Флоры Нокс перед встречей.

— Пайк, — тихо произнёс он, — я не враг. Я просто устал. Мы все устали. Посмотрите на город. Он гниёт не от магии. Он гниёт от ожидания.

— Ожидания чего?

— Того, кто не придёт.

Мэр надел шляпу, развернулся и пошёл вдоль берега. Туман сомкнулся за ним, как вода за утопающим.

В архив Гус пришёл к полудню.

Здание бывшей ратуши стояло на холме, за старой липовой аллеей. Летом липы пахли мёдом, осенью — горьковатым дымом. Сейчас от них не пахло ничем. Листья лежали на земле ровным ковром, но не шуршали.

Кора сидела за столом в глубине первого зала, под лампой с железным абажуром. Перед ней высилась стопка папок. Она не читала. Она смотрела в окно.

— Ты опоздал, — сказала она.

— Я говорил с мэром.

— Знаю. Он приходил сюда утром. До того, как ты.

Гус сел без приглашения. Стул под ним скрикнул.

— И что он хотел?

— Спросил, не находила ли я «одну старую папку». Сказал, что у него пропали документы по городскому бюджету.

— По бюджету?

— Да. Тридцать лет назад.

Их взгляды встретились. Кора первая отвела глаза, поправила стопку папок, сдвинула на край стола подставку с карандашами.

— Он что-то понял, — сказала она. — Или кто-то ему подсказал.

— Он предложил не искать лист.

— И ты?

— Я не ответил.

Кора поднялась, подошла к окну, раздвинула пыльные шторы. Свет упал на неё неровной полосой, и на мгновение Гус увидел не женщину в твиде, а что-то иное — с острыми скулами, слишком прямой спиной, слишком долгим взглядом. Потом видение смазилось, как отражение в тронутом рябью окне.

— Если мэр знает про лист, — сказала она, — значит, он уже выбрал сторону.

— А может, он просто боится.

— Страх — это тоже сторона, Август.

Она вернулась к столу, выдвинула нижний ящик, достала оттуда тонкую тетрадь в клеёночном переплёте. Протянула Гусу.

— Это журнал хранителя архива за 1897 год. Первый год. Я нашла его вчера, когда искала нулевое дело.

Гус открыл тетрадь. Почерк мелкий, с наклоном влево. Чернила выцвели, но читались.

«Октябрь, 14. Первый лист положен на хранение. Город скрипнул во сне. Значит, принял»

«Октябрь, 20. Приходил тот, кто не называет имени. Просил не запирасть восточную дверь. Я запер»

«Октябрь, 31. Врата открылись. Впустил. Выпустил. Пересчитал. Сошлось»

Гус перевернул ещё несколько страниц. Записи становились короче, отрывистее.

«Ноябрь, 2. Лист дышит. Не подходить без перчаток»

«Декабрь, 1. В городе тихо. Слишком тихо. Проверил подвалы. Пусто»

Последняя запись была сделана неровно, будто рука дрожала:

«Декабрь, 24. Он вернулся. Стоял у восточной двери. Я не открыл. Впервые за сто лет»

Гус закрыл тетрадь.

— Кто «он»? — спросил он.

Кора не ответила. Она смотрела на него, и в её лице было что-то новое. Не страх. Не грусть. Что-то похожее на смирение.

— Тот, кто приходит, когда договор нарушен, — произнесла она. — Мы называем его Зимний Сторож.

— И когда он должен прийти?

— Если лист не найдётся до Хеллоуина — он придёт в ночь на первое ноября.

— И что тогда?

— Тогда, — Кора обвела взглядом зал, — архив станет просто библиотекой. А город — просто городом. Только не останется ни одного человека, который помнит, что здесь было раньше.

— А мы?

— А мы, — она усмехнулась уголком рта, — исчезнем из памяти вместе со всеми. Как будто нас и не было.

Вечером Гус снова сидел у себя в приёмной. Туман за окном стал плотнее. Он не стелился по земле, а стоял стеной, как вата, в которую заворачивают хрупкое.

На конторке лежала тетрадь хранителя. Кора разрешила взять её до утра.

Гус перечитал последнюю запись: «Он вернулся. Я не открыл».

Потом посмотрел на фотографию отца. Она всё ещё лежала в кармане пиджака, тёплая от тела.

Он достал её, снова перевернул.

«Не открывай до первого скрипа».

В доме было тихо. Город молчал. Фонари не горели. Часы на стене стояли на восьми утра, хотя за окном была ночь.

Гус подцепил ногтем заднюю стенку рамки. Картон подался не сразу, будто приклеился намертво. Потом хрустнул.

Между фотографией и картоном лежал сложенный вчетверо лист бумаги.

Гус развернул его.

Это был план города. Старый, с выцветшими чернилами. На пересечении Бёрч-стрит и Тихого переулка — его дом. А под ним, под фундаментом, была нарисована маленькая дверь.

И подпись, уже не отца, а кого-то другого, мелким, летящим почерком:

«Здесь спит тот, кто просыпается, когда город врёт»

Гус встал.

В подвале похоронного бюро, под старой мешковиной, где лежал влажный свёрток от незнакомой женщины, что-то скрипнуло.

Не так, как раньше.

Теперь это был не скрип. Это был стон.

Глава 3. Те, кто приходят до Врат

Если тебе кажется, что ты один в пустом доме, — не оборачивайся. Лучше поздоровайся. Некоторые из них просто хотят, чтобы их заметили.

— из записной книжки Флоры Нокс

Стон не повторился.

Гус стоял в приёмной, сжимая в одной руке план города, а в другой — заднюю стенку фоторамки. Картон был тёплый, будто его только что держали над лампой.

В подвале что-то затихло. Не как затихает зверь, уставший выть. А как затихает человек, который понял, что его услышали, и теперь ждёт.

Гус положил план на стол, разгладил ладонью. Бумага старая, с жёлтыми разводами по краям. Улицы нарисованы от руки, с ошибками в названиях: «Берчъ», «Тихая Переулка», «Кривая-чтоль». Кто-то чертил наспех, будто боялся, что не успеет.

Он нашёл свой дом почти сразу. Крестик. Под ним — маленькая дверь. Три ступеньки вниз. И стрелка, уходящая за край листа.

Гус перевернул план. На обороте было ещё несколько слов, выведенных тем же летящим почерком:

«Не зажигай спичку, если услышишь пение. Оно не для тебя. Оно для того, кто под домом»

Он снова перевернул лист. Ни подписи, ни даты.

Часы на стене, стоявшие с восьми утра, щёлкнули.

Гус поднял голову. Стрелка дрогнула, качнулась и поползла назад — медленно, с остановками, как будто кто-то тянул её за невидимую нить. Восемь. Семь. Шесть.

— Пять, — прошептал он.

Часы остановились. Потом стрелка дёрнулась и снова встала на восемь.

В подвале, на этот раз ближе, скрипнула дверь.

Он не спустился.

Не потому, что боялся. А потому, что знал: в этом доме подвал не имеет лестницы. Вернее, имеет, но не всегда. Иногда вместо ступеней там была стена, заросшая мхом, хотя откуда

в подвале мох, Гус не понимал. Иногда — длинный коридор, которого не было на плане. А иногда — тишина, плотная, как ватное одеяло, из которой не возвращаются с пустыми руками.

Отец однажды сказал: «Если в подвале поют — не спускайся. Это не у нас. Это у соседей. Просто у них подвал глубже».

Тогда Гусу было двенадцать. Он смеялся. Теперь — нет.

Он сел за стол, зажёл лампу, хотя свет её был жёлтым и слабым, как пламя спички в банке. Разложил перед собой план, журнал хранителя, тетрадь Флоры, фотографию отца и все предметы, которые уже не помещались в карманах.

Лист тыквы в жестяной коробке. Кролик с оторванным ухом. Перчатка с буквой «О». Деревянная лошадка. И теперь — план с дверью.

Он смотрел на них, как смотрят на карты, выпавшие не из той колоды. Всё это не складывалось. Но не потому, что не было связи. А потому, что связей было слишком много.

— Ну давай, — сказал он вслух. — Проявись.

В доме было тихо. Но Гус почувствовал, как воздух в приёмной стал плотнее. Как перед грозой.

Потом из кладовки, где он держал свечи, упала жестяная банка. Покатилась по полу. Остановилась у его ноги.

Он не сразу наклонился. Сначала посмотрел на дверь кладовки. Она была приоткрыта. Из щели тянуло холодом и патокой.

Гус встал. Подошёл. Открыл дверь.

На полу, среди рассыпанных свечей, лежала маленькая железная машинка. Старая, с облупившейся красной краской. Одно колесо отсутствовало.

Гус наклонился, поднял её. На дверце было выцарапано: «Оскар» — через твёрдый знак, как писали сто лет назад.

— Как ты сюда попал? — спросил он в пустоту.

Ему показалось, что за спиной кто-то выдохнул. Тихо, коротко, как ребёнок, который прячется за шторой и боится себя выдать.

Гус медленно обернулся.

В углу приёмной, у стула, на котором днём сидела Кора, стояла тень. Небольшая, ниже подоконника. Она не двигалась, но была гуще остальных теней — как будто кто-то наложил на неё второй слой черноты.

Гус сжал машинку в ладони.

— Оскар, — позвал он.

Тень дрогнула. Отлепилась от стены, сделала шаг к столу. Один. Потом остановилась, будто не решаясь войти в полосу света.

— Я не сделаю тебе ничего плохого, — сказал Гус.

Тень покачнулась. И исчезла.

На столе, поверх журнала хранителя, лежал каштан. Маленький, блестящий, будто его только что вынули из колючей кожуры.

Гус положил каштан рядом с машинкой. Сел. Закрыв лицо руками.

— Господи, — прошептал он. — Ты проверяешь меня или его?

Тишина не ответила. Но впервые за долгие дни она не была враждебной.

Утром он снова вышел в город.

Солнце поднималось нехотя, как больной с постели. Туман не рассеивался, а оседал на плечах, на воротнике, на ресницах. Гус шёл по Бёрч-стрит и слышал только свои шаги. Остальной город молчал, но теперь в этом молчании появилась напряжённая приязнь, как у зверя, который перестал скалиться, но ещё не подпустил к себе.

У пекарни миссис Готье стоял стул. Пустой. На сиденье лежала свежая булочка, посыпанная мукой, и записка: «Для тебя, Пайк. Съешь, пока тёплая».

Гус оглянулся. За стеклом пекарни, в глубине, колыхнулась занавеска. Он поднял булочку. Она была тёплой. Надкусил. Сладкая, с тыквенным джемом.

— Спасибо, — сказал он в сторону витрины.

Занавеска снова дрогнула. На этот раз в ней мелькнула рука.

Он пошёл дальше.

На углу, у магазина игрушек, витрина была открыта. Внутри, за стеклом, кто-то переставил картонного скелета: теперь он сидел на стуле и держал в костяных пальцах бумажный цветок. На полу перед витриной лежал фантик от конфеты. «Счастливое детство», выцветший, советский.

Гус не стал его подбирать. Только отметил про себя, что у скелета не хватало одной ноги — той самой, что была оторвана вчера.

Зато теперь у него появилась шляпа. Маленькая, фетровая, вроде тех, что носили в его детстве на осенних ярмарках.

Гус постоял, засунув руки в карманы. Потом толкнул дверь магазина. Она открылась без звука.

Внутри пахло пылью, старым деревом и сладковатым лаком. На полках стояли куклы с закрытыми глазами, плюшевые медведи, оловянные солдатики. Всё застыло в полумраке, но не было в этом ни угрозы, ни запустения. Так выглядит комната, из которой только что вышел ребёнок.

За прилавком никого не было. Только на кассовом аппарате лежала перевёрнутая рамка с фотографией. Гус не стал её трогать. Есть в чужих лавках вещи, которые не для глаз.

Он уже собирался выйти, когда заметил на полу, у дальней стены, следы. Не ботинок. Босых ног. Маленьких, детских. Они вели от чёрного хода к стеллажу с мягкими игрушками и обрывались.

Гус подошёл. На нижней полке, среди потрёпанных медведей, лежала кукла. Вернее, не кукла — марионетка. С нитками, запутанными, как седая паутина. Лицо нарисовано углём, неаккуратно, одним грубым движением. На груди — та же буква «О».

Он взял её за нитку. Кукла качнулась, и внутри у неё что-то зашуршало, как сухие листья.

— Опять ты, — сказал Гус.

Он не знал, к кому обращается. Но было в этом что-то правильное.

Из чёрного хода пахнуло патокой. Сладко. Навязчиво. Гус сунул марионетку в сумку и вышел из лавки.

На улице шёл дождь.

Он начался внезапно, без ветра, без грома. Просто вода, падающая с неба ровной занавесью. Капли были мелкие, холодные, но не осенние, а какие-то резиновые, будто дождь был не настоящий, а нарисованный на марле.

Гус поднял воротник и ускорил шаг.

Кора ждала его на ступенях архива.

Она сидела без зонта, подставив лицо дождю. Вода стекала по её волосам, по твидовому жакету, собиралась в складках юбки. Глаза закрыты.

Гус остановился перед ней.

— Ты промокла.

— Я сухая изнутри. Это главное.

Она открыла глаза. Взгляд был ясный, слишком ясный для человека, сидящего под дождём.

— Я знала, что ты придёшь, — сказала она. — Хотя надеялась, что нет.

— Почему?

— Потому что если ты здесь, значит, Оскар уже начал показываться.

Гус сел рядом. Ступени были мокрые, холодные, но он не обратил внимания.

— Он не показывается, — сказал он. — Он подкидывает вещи.

— Это одно и то же. Вещи — его голос.

Гус вытащил из сумки марионетку. Протянул Коре. Та взяла её бережно, как берут раненую птицу.

— Это не его кукла, — сказала она.

— А чья?

— Не знаю. Но он не стал бы трогать чужое.

— Здесь его буква.

— Поэтому я и говорю, что не его. Он бы вырезал свою, а это чужая. Нарисованная.

Она перевернула куклу. Из ниток посыпалась труха.

— Август, — тихо произнесла Кора, — ты уверен, что это Оскар?

Гус не ответил. Он смотрел, как дождь размывает на ступенях следы, которых не было.

— А кто ещё мог приносить детские вещи? — спросил он наконец.

— В Грейвз-Энде? Кто угодно. У нас целый квартал тех, кто не успел вырасти.

Она вернула куклу. Потом встала, отряхнула юбку, хотя это было бессмысленно.

— Пойдём. Нужно кое-что посмотреть, пока не стемнело.

— Что?

— Место, где впервые за долгие годы зацвели октябрьские одуванчики.

Они шли через парк.

Грейвз-Эндский парк был заложен ещё при первых поселенцах. В центре стояла беседка с облезшей белой краской, вокруг — дубы, старые, с кривыми стволами. Осенью здесь пахло мокрой корой и дымом, но сегодня запах был другой — сладковатый, как перебродивший сироп.

Одуванчики росли у самого входа, на газоне, который обычно стригли до самого октября. Жёлтые головки торчали из травы, как маленькие солнца. Их было много. Слишком много для середины осени.

Кора присела. Протянула руку, но не сорвала, только коснулась.

— Они тёплые, — сказала она.

— Как лист тыквы.

— Нет. Тот холодный. А эти тёплые, как будто под землёй костёр.

Она подняла взгляд на Гуса.

— Это значит, что Врата уже начали гнить.

— Врата?

— Да. Они не открываются раз в год, как дверь. Они дышат. Всё время. Просто осенью — глубже. А сейчас они забиты, и тепло выходит через корни.

Гус посмотрел на одуванчики. Одна головка у самого его ботинка медленно повернулась, как подсолнух за солнцем. Но солнца не было.

— И что будет, если их сорвать?

— Ничего. Они не настоящие.

— А что будет, если их не сорвать?

Кора улыбнулась, но как-то печально.

— Тогда к утру они прорастут до окон.

Они вернулись в архив уже к вечеру.

Кора зажгла керосиновую лампу, поставила чайник, хотя Гус не просил. Он сидел за её столом, разложив перед собой всё, что принёс: машинку, каштан, марионетку, план, журнал хранителя.

— Я хочу понять, — сказал он, — как связаны Оскар, лист и мой подвал.

Кора налила чай в две щербатые кружки. Протянула одну ему.

— А я хочу понять, почему ты до сих пор не спросил, кто такой Оскар на самом деле.

Гус замер.

— Ты сказала, он мальчик, которого забрала осень.

— Забрала осень, — повторила Кора. — Но перед этим он жил в этом городе. Ходил в школу. Дышал. Ел яблоки. У него была мать. Был отец. Был дом.

— И что с ними?

— Мать умерла через год после исчезновения Оскара. Сердце. Отец уехал. Но дом стоит.

— Где?

Кора пододвинула к нему журнал хранителя. Открыла на странице, которую Гус ещё не читал.

«Сентябрь, 30. В доме номер 7 по Гробовой аллее больше не будет жить никто. Я запер двери. Окна тоже. Тот, кто ходит там по ночам, — не хозяин»

— Гробовая аллея, — прочитал Гус вслух.

— Теперь это улица Тихая, — сказала Кора. — Нумерацию сменили. Но дом стоит на месте. Прямо за твоим двором.

Гус поставил кружку. Чай пах какими-то травами, но он не пил.

— За моим домом? Там пустырь.

— Там не пустырь. Там заросли. И в них — дом. Просто ты никогда не смотрел.

Гус встал. Подошёл к окну. За стеклом, за мокрыми ветками, угадывалась темнота. Он знал этот вид наизусть: задний двор, сарай, забор, дальше — одичавшие яблони. Но про дом никогда не думал. Просто не помнил, чтобы туда ходил.

— Ты давно знаешь? — спросил он.

— С сегодняшнего утра. Поэтому и сидела под дождём.

Она подошла сзади. Положила ладонь ему на плечо. Рука была холодная, но не мёртвая.

— Оскар не просто приносит вещи. Он ведёт тебя туда.

— Зачем?

— Не знаю. Но если ты пойдёшь — я пойду с тобой.

Гус обернулся. Кора стояла близко. Слишком близко для той дистанции, которую они обычно держали. В её глазах отражался огонёк лампы, но отражение было чёрным, как будто свет проваливался внутрь.

— Ты боишься? — спросил он.

— Да, — ответила она. — За тебя.

Ночь пахла яблоками.

Они вышли из архива, когда город уже перестал притворяться живым. Фонари не горели. Окна были слепы. Только вдалеке, у площади, что-то светилось — не электричество, а ровное, зеленоватое сияние, как гнилушки в лесу.

— Не смотри туда, — сказала Кора.

— Почему?

— Это площадь, где собираются те, кто не успел уйти. Если долго смотреть, они начнут смотреть в ответ.

Гус отвёл взгляд.

Они шли переулками. Узкими, с нависающими крышами. Вода капала с карнизов, и каждый звук был похож на тиканье. Гус насчитал шесть капель, прежде чем понял, что шаги позади — не эхо.

— Нас ведут, — тихо сказал он.

— Знаю. Не останавливайся.

Они свернули на Тихую улицу. Здесь было темнее всего. Деревья смыкались над головой, как пальцы. Туман полз по земле, лизал ботинки.

Дом номер семь появился не сразу. Сначала — запах. Пыль, мокрое дерево, старый воск. Потом — силуэт. Двухэтажный, с просевшей крышей и заколоченными окнами.

— Вот он, — выдохнула Кора.

Гус подошёл к калитке. Та была заперта на ржавый крючок. Слишком слабый для замка. Он снял его одним движением.

Во дворе было тихо. Яблоня у крыльца согнулась, как старуха, и ветви её лежали на земле. Под ногами хлюпало, но это была не вода — что-то густое, липкое.

— Не наступай в лужи, — предупредила Кора. — Это не лужи.

Гус замер. Поднял ногу. На подошве темнела бурая жижа.

— Что это?

— Сок. Деревья плачут.

Она взяла его за рукав и потянула к крыльцу.

Дверь была приоткрыта.

Изнутри не пахло ничем. Совсем. Как в морге до того, как туда привозят тело.

Гус толкнул дверь.

— Оскар? — негромко позвал он.

Внутри скрипнула половица. Потом ещё одна. Потом где-то наверху, под самой крышей, — детский смех. Короткий, тихий, невесёлый.

Кора сжала его локоть.

— Он здесь.

— Я знаю.

Они вошли.

В доме не было пыли.

Это удивило Гуса больше всего. Заколоченные окна, заброшенный сад, ржавая калитка — и ни пылинки внутри. Как будто здесь каждый день протирали полы.

— Кто-то ухаживает, — прошептала Кора.

— Или что-то.

Они стояли в прихожей. Стены оклеены выцветшими обоями. На вешалке — пустое детское пальто. Слишком маленькое, чтобы принадлежать кому-то старше семи.

Гус подошёл. Провёл пальцем по рукаву. Пальто было сухое и тёплое.

— Он только что снял его, — сказал он.

— Или только что повесил.

Они прошли в комнату. Там стоял круглый стол, четыре стула, буфет с посудой. На столе — чашка с молоком. Пар поднимался.

Гус и Кора переглянулись.

— Нас ждали, — произнесла она.

— Или мы просто вовремя.

Наверху снова что-то зашуршало. Как будто перевернули коробку с игрушками.

— Поднимемся? — спросил Гус.

Кора кивнула.

Лестница была узкая, с высокими ступенями. Перила пахли воском. На стенах — тени от их же фигур, но тени двигались с опозданием, как отражения в густой воде.

На втором этаже было три двери. Одна закрыта. Две приоткрыты.

— В детскую, — сказал Гус.

— Откуда знаешь?

— Слышу, как там дышат.

Он толкнул дверь справа.

В комнате было темно. Только из угла, где стояла кровать, шёл слабый свет — как от ночника, но самого ночника не было.

На полу лежали игрушки. Много. Они были сложены в круг, как будто кто-то играл в защиту.

А в центре круга, на маленьком коврикe, стояла плюшевая обезьянка. Новая. Чистая. Не из этого дома.

Гус почувствовал, как в груди что-то сжалось.

— Он зовёт, — сказал он.

— Кто?

— Не знаю. Но это не игра.

В этот момент дверь за их спинами захлопнулась.

Кора вскрикнула. Гус обернулся. Дверь не была заперта — просто закрылась сама. Он дёрнул ручку. Поддалась.

Из коридора пахло патокой.

— Он не хочет, чтобы мы уходили, — прошептала Кора.

— Или хочет, чтобы мы поняли.

Гус снова повернулся к кругу игрушек. Присел. Поднял обезьянку. Она была лёгкая, почти невесомая. Внутри что-то тихо перекачивалось.

Он перевернул игрушку. На спине, между лопатками, была молния. Он потянул за бегунок.

Внутри, в опилках, лежал маленький медальон. Круглый, бронзовый, с выцветшей эмалью.

Гус открыл его.

Внутри — портрет мальчика. Светлые волосы, серьёзные глаза, родинка над левой бровью.

— Оскар, — выдохнула Кора.

Гус не ответил. Он смотрел на медальон, и ему казалось, что мальчик на портрете вот-вот моргнёт.

Сзади, за стеной, где не было комнаты, раздался голос. Тонкий, как ветер в щели:

— Найди дверь. Под домом. Пока не пришёл он.

— Кто? — спросил Гус.

— Тот, кто просыпается, когда город врёт.

И тишина.

Только где-то внизу, под полом, медленно, с трудом, как будто разрывая землю, начал проворачиваться невидимый ключ.

Глава 4. Ключ под половицей

В Грейвз-Энде мёртвые не стучат в двери. Они просто оставляют обувь у порога и ждут, пока ты поймёшь, что она твоя.

— из записной книжки Флоры Нокс

Ключ проворачивался долго.

Гус стоял посреди детской, прижимая к груди плюшевую обезьянку, и слушал, как под полом что-то ворочается, скребётся, точно огромный пёс, запертый в тесной будке. Звук шёл не из подвала — подвал в этом доме, судя по всему, давно обвалился. Звук шёл из-под земли. Глубже. Оттуда, где не бывает ни подвалов, ни могил, ни канализации.

— Ты слышишь? — прошептала Кора.

— Нельзя не слышать.

— Оно ждёт.

— Чего?

Она не ответила. Вместо этого подошла к окну, заколоченному досками, и прижала ладонь к пыльному стеклу. На улице не было ни ветра, ни дождя. Только туман, который теперь лежал не слоями, а стоял столбом, будто врос в землю.

— Пока мы внутри, оно не сможет войти, — сказала Кора.

— Ты уверена?

— Нет. Но я надеюсь.

Гус опустил обезьянку на пол, в круг игрушек, из которого её взял. Медальон он положил в карман, рядом с деревянной лошадкой и каштаном. Вещи стали тяжёлыми, будто набирали чужой вес.

Он ещё раз оглядел комнату. Кровать с пыльным покрывалом. Этажерка с детскими книжками. На стене — выцветшие картинки с животными. На подоконнике — пустая рамка. И запах. Слабый, но отчётливый. Не потоки. Не пыли. Пахло сваренным вчера какао.

— Он был здесь недавно, — сказал Гус.

— Или будет, — отозвалась Кора. — Время в таких домах не держит форму.

Она взяла со стола перевернутую чашку. Та оказалась чистой, сухой, как будто её только что вымыли и поставили сушиться. Но рядом с ней, на блюде, лежала ложка. След от молока на дне — свежий.

Гус поднял ложку. Металл был тёплый.

— Он где-то близко.

— Да, — кивнула Кора. — Но не с нами. Он по ту сторону.

— Какую сторону?

— Той, где вещи помнят, а люди забывают.

Они вышли из детской не через дверь, а через узкий коридор, который уходил влево, хотя по планировке там должна была быть стена.

Кора шла первой. Туфли её ступали беззвучно. Гус краем глаза следил за её тенью — та отставала на полшага и будто шла сама, в своём ритме.

— Ты это видишь? — спросил Гус.

— Что?

— Твоя тень. Она другая.

— В таких домах всегда. Не смотри.

Но он уже смотрел. Тень Кору на мгновение удлинилась, перетекла на потолок, как жидкость, и замерла. Гусу показалось, что в ней проступили очертания кресла. Или не кресла. Чего-то с высокой спинкой.

— Дальше, — велела Кора, не оборачиваясь. — Не останавливайся.

Коридор привёл их к лестнице, которой не было на плане. Узкая, винтовая, она уходила вниз, в темноту, пахнущую сырой глиной и печным дымом.

— Под домом есть подвал? — спросил Гус.

— Был. Но его засыпали. Лет пятьдесят назад.

— Тогда куда ведёт эта лестница?

Кора не ответила. Она присела у края ступеней, провела ладонью по полу. Потом выпрямилась и показала ему пальцы. Они были в серой пыли, в которой блестели мелкие крупинки.

— Зола, — сказала она. — Совсем свежая.

— Кто-то недавно жёг.

— Или что-то.

Гус посмотрел вниз. Из темноты не тянуло ни холодом, ни жаром. Воздух был неподвижен, как в запертом шкафу.

— Мы не спустимся? — спросил он.

— Спустимся, — медленно произнесла Кора. — Но не сейчас. Сначала нужно найти его голос.

— Голос?

— Оскар не говорит вслух. Он говорит через вещи. Через звуки. Через то, что ломается.

Она обернулась. В полумраке её лицо казалось старше, чем всегда. Или, наоборот, младше. Трудно было понять. Демоны не стареют, но устают. Усталость была в складке у рта, в том, как она втянула воздух, прежде чем сказать:

— Есть один способ. Войти в его сон.

— Чей сон?

— Оскара.

Гус хмыкнул.

— Демоны умеют входить в сны?

— Нет. Но умею я. Долго объяснять. И не хочу, чтобы ты задавал вопросы, на которые у меня нет ответов.

Она шагнула к нему. Взяла его руку. Пальцы были холодные, но не ледяные — как речная вода в сентябре.

— Слушай, Август. Я не могу сделать это одна. Нужен человек, который держит его вещи. Ты их держишь. Они уже начали говорить с тобой. Осталось только лечь.

— Лечь? Здесь?

— В детской. На его кровать.

Гус вырвал руку. Не грубо. Но достаточно, чтобы Кора поняла.

— Это не просто дом, Кора. Это ловушка.

— Любой дом — ловушка, если в нём жили.

— Я не буду ложиться в кровать мёртвого мальчика.

— А он не мёртв, — сказала Кора. — Поэтому и зовёт.

Она отвернулась, прошла обратно в детскую. Гус постоял, глядя на лестницу, с которой всё ещё пахло золой, и пошёл следом.

Кора сняла покрывало с кровати. Оно было пыльным снаружи, но чистым изнутри. Как будто кто-то спал под ним, а не на нём.

— Ложись, — сказала она.

Гус не двинулся.

— Что я должен сделать?

— Просто лечь. Закрыть глаза. Держать медальон в руке. И не называть своего имени.

— Почему?

— Потому что во сне незнакомца имя — это дверь. А нам не нужно, чтобы он знал, как тебя звать.

Гус сел на край кровати. Пружины не скрипнули. Это насторожило его больше, чем всё остальное.

— А ты? — спросил он.

— Я буду рядом. Держать твою руку. И слушать.

— Что слушать?

— Когда ты перестанешь дышать ровно, значит, ты вошёл.

Гус лёг. Кровать была короткой — ноги свешивались. Он пристроил их, согнув в коленях, и понял, что поза вышла детская, как у мальчишки, который вырос из кровати, но не хочет в этом признаваться.

Кора села рядом, на пол. Взяла его ладонь.

— Не разжимай медальон, — напомнила она.

Он закрыл глаза.

Внутри было темно, но не так, как в комнате. Темнота была глубже, с красноватыми прожилками, как изнанка век. Гус прислушался. Сначала — только дыхание Кору. Потом — стук сердца. Медленный, ровный.

Потом всё исчезло.

Он открыл глаза в другом месте.

Вокруг был лес. Не тот, что рос за городом, — с кривыми осинами и сырыми оврагами, — а другой. Высокий, с гладкими стволами, уходящими в белое небо. Листья лежали на земле, но не шуршали. Воздух был сладким, как карамель, и липким.

Гус стоял на тропинке. Она была усыпана мелкими жёлтыми цветами, которые росли прямо из песка. Впереди, за деревьями, поднимался дым. Один ствол. Ровный, как из трубы.

Он пошёл на дым.

Деревья расступались нехотя, как занавес. Вскоре он вышел к поляне. На ней стоял дом. Не тот, что на Гробовой аллее, а маленький, приземистый, с красной крышей и синими ставнями. Из трубы шёл дым. У крыльца сидел мальчик.

Он был босой, в серой рубашке и коротких штанах. Волосы светлые, глаза серьёзные. Родинка над левой бровью.

— Ты всё-таки пришёл, — сказал он.

Голос был тонкий, но не детский. Скорее, старый, уставший голос, который звучал из детского горла.

— Ты Оскар, — сказал Гус.

— Да. А ты — Август. Но тебе нельзя было называть имя.

— Я не называл.

— Зачем тогда ты его держишь?

Мальчик кивнул на его руку. Гус посмотрел вниз. В его ладони был зажат не медальон, а лист тыквы. Тот самый, из жестяной коробки. Только теперь он был свежим, зелёным, с каплей росы.

— Это не моя вещь, — сказал Гус.

— Теперь твоя. Ты её принёс.

— Я не приносил.

— Принёс, — мальчик улыбнулся, но улыбка вышла кривая, как отражение в кривом зеркале. — Иначе бы я не смог тебя позвать.

Он встал. Подошёл к Гусу. Походка была неровной, как у человека, который долго не ходил и заново учится.

— Зачем ты меня звал? — спросил Гус.

— Чтобы ты не спал.

— Я и так не сплю.

— Нет. Ты спишь давно. Весь город спит. А те, кто не спит, — притворяются.

Он протянул руку. Маленькую, бледную, с обкусанными ногтями.

— Дай лист.

— Зачем?

— Я покажу тебе, где дверь.

Гус сжал лист. Тот был прохладным, но не ледяным. Как кожа человека, который вошёл с улицы в тёплый дом.

— А если я не отдам?

— Тогда ты останешься здесь. Со мной. Навсегда.

Гус хотел отступить, но ноги не слушались. Они будто вросли в песок. Мальчик стоял слишком близко. От него пахло патокой.

— Ты боишься, — сказал Оскар. — Это хорошо. Бояться — значит помнить.

Он взял Гуса за руку. Пальцы у него были горячие, как печная заслонка.

И лес начал исчезать.

Гус очнулся от того, что Кора сжимала его запястье.

— Дыши, — говорила она. — Дыши.

Он сел. Комната кружилась. Медальон выпал из его руки и покатился по полу, звеня, как копейка. Гус наклонился, поднял его. Внутри, под стеклом, портрет мальчика был прежним. Но в волосах Оскара, которых он раньше не заметил, белела маленькая заколка. Кажется, в форме полумесяца.

— Что ты видел? — спросила Кора.

— Лес. Дом. Его.

— Что он сказал?

— Что я сплю. И что весь город спит.

Кора отпустила его руку. Поднялась, подошла к окну. Там, за досками, уже проступал серый рассвет.

— Он прав, — тихо сказала она. — Грейвз-Энд спит. Но не как человек. А как зверь перед спячкой. И если его разбудить не по правилам, он проснётся голодным.

— Что за правила?

— Их написали давно. Когда ещё не было ни архива, ни мэрии, ни твоего похоронного бюро.

Она обернулась.

— И одно из правил: нельзя называть своё имя тому, кто приходит из-под земли.

Гус сглотнул.

— Я не называл.

— Но он его узнал.

— Откуда?

Кора посмотрела на медальон в его руке.

— Потому что ты держишь его вещи. Они сказали ему всё.

Они покинули дом до того, как туман поднялся выше окон.

На улице всё ещё было тихо, но тишина уже не казалась враждебной. Она была настороженной, как природа перед первым снегом. Гус шагал впереди, Кора — за ним. Под ногами чавкала глина, пахло яблоками, и этот запах теперь казался не сладким, а приторно-печальным.

— Куда теперь? — спросил Гус.

— В архив. Нужно проверить старые карты подземелий.

— У вас есть такие?

— Не у нас. У Флоры.

— Тогда к Флоре.

Кора остановилась.

— Август.

Он обернулся.

— Ты должен понимать: если Оскар узнал твоё имя, он может позвать тебя снова. В любой момент. Даже когда ты не будешь готов.

— И что мне делать?

— Носить с собой соль. И не откликаться на голос, если услышишь его без меня.

— А если он всё равно придёт?

— Тогда зови меня.

— Как?

— Вслух. Я услышу.

Гус смотрел на неё. В сером утреннем свете Кора была очень бледной, почти прозрачной. Как будто часть её осталась в том доме.

— Ты сама-то в порядке? — спросил он.

— Я демон, Август. Мы не «в порядке». Мы — в процессе.

Она пошла дальше, и он не стал догонять. Просто шёл следом и слушал, как её каблуки отстукивают по мёртвой листве ритм, похожий на тиканье.

Флора Нокс встретила их на пороге, как будто знала, что они придут.

— Опять ты, — сказала она Гусу. — И опять не один.

— Нужны карты, — сказал он.

— Какие?

— Подземные ходы. Гробовая аллея. Всё, что под старым домом номер семь.

Флора долго молчала. Потом отступила в сторону, пропуская их внутрь.

— Сначала чай, — сказала она. — Потом карты.

В доме у Флоры пахло сушёными яблоками, воском и чем-то горьким, как корень цикория. На плите стоял чугунный чайник. Флора разлила отвар по кружкам, не спрашивая, хотят ли они пить.

— Я видела ночью дым, — сказала она, садясь напротив. — Не из труб. Из земли. У старой аллеи.

— Это не мы, — сказал Гус.

— Знаю. Но вы были рядом.

Она отпила. Гус заметил, что кружка у неё была с трещиной, и пар выходил через неё тонкой струйкой, как дыхание.

— Ты хочешь знать, что под домом, — продолжала Флора. — Там нет подземелий. Там корни.

— Корни чего?

— Первой тыквы. Той самой, от которой пошёл контракт.

Гус переглянулся с Корой.

— Мы думали, лист хранится в архиве.

— Лист — да. Но корни — нет. Корни держат город. Они оплетают подвалы, склепы, старые колодцы. И тот, кто хочет закрыть Врата, должен сжечь не лист. А корень.

— Зимний Сторож, — прошептала Кора.

Флора кивнула.

— Он не приходит. Он уже здесь. Всегда был. Просто спит. А теперь ворочается.

Она поднялась, подошла к буфету, достала из-под скатерти свёрток. Развернула. Внутри — пожелтевшая карта, начерченная от руки.

— Это не город, — сказала Флора. — Это то, что под ним.

Гус склонился над картой. Линии переплетались, как вены. В центре, под площадью, была нарисована спираль. От неё в разные стороны расходились ходы. Один из них вёл к его дому. Другой — к дому номер семь. Третий — к архиву.

— Это лабиринт? — спросил он.

— Это дыхание, — ответила Флора. — Город дышит через эти ходы. Если один забить, остальные начнут задыхаться.

— А если поджечь?

— Тогда город умрёт. Не сразу. Сначала он начнёт забывать. Улицы, имена, лица. Потом забудет себя.

Кора встала, подошла к окну. На подоконнике у Флоры стояли банки с сушёными травами. Одна из них, с полынью, была открыта.

— Мы должны спуститься, — сказала она. — Вниз. Пока не поздно.

— Спуститься можно, — сказала Флора. — Выйти — сложнее.

Гус сложил карту, убрал в сумку.

— Значит, найдём того, кто знает выход.

— Таких не осталось.

— Остался, — сказал Гус. — Тот, кто не заметил своей смерти.

Флора и Кора переглянулись.

— Библиотекарь, — произнесла Кора.

Гус кивнул.

— Нам нужен тот, кто всё ещё думает, что он жив.

Библиотекарь жил в старой библиотеке, которая считалась закрытой с 1985 года.

Но Гус знал: по средам и субботам в её окнах загорается свет. Ровно в одиннадцать вечера. На полчаса.

— Это ритуал, — объяснял он Коре, пока они шли через пустой рынок. — Он зажигает лампу, садится у окна и читает. Каждый раз одну и ту же книгу.

— Какую?

— «Анатомию усталости». Кажется, больше ничего у него не осталось.

— А ты откуда знаешь?

— Я гробовщик. К нам стекаются все сплетни. Особенно от тех, кто уже не сплетничает.

Библиотека встретила их запахом старой бумаги и высохшего клея. Двери были закрыты, но Кора просто положила ладонь на замок, и тот щёлкнул, как костяшка.

— Не спрашивай, — сказала она.

— Я и не собирался.

Внутри было темно, только в глубине читального зала, у окна, стояла керосиновая лампа. За столом, спиной к ним, сидел старик в сером кардигане. Перед ним лежала книга. Он переверачивал страницы медленно, будто не читал, а пересчитывал.

— Мистер Прайс, — позвал Гус.

Старик не обернулся.

— Я знаю, что вы здесь, — сказал он. — Садитесь. Только тихо. Она не любит шума.

— Кто?

— Книга.

Гус и Кора сели за соседний стол. Библиотекарь наконец поднял голову. Глаза у него были белые, как у варёной рыбы, но смотрел он точно.

— Вы пришли спросить про то, как умирают города, — сказал он.

— Мы пришли спросить про ходы под землёй.

— Это одно и то же. Город умирает, когда под ним затыкают рот.

Он закрыл книгу. Обложка была гладкой, без названия.

— Я ходил туда, — тихо сказал библиотекарь. — Ещё когда был человеком.

— И что вы видели?

— Коридоры. Тёплые. Стены дышали. Я слышал, как они шепчут имена.

— Имена?

— Всех, кто родился в Грейвз-Энде. И всех, кто здесь умер. У каждого свой звук. Как струна.

Он перевёл белые глаза на Гуса.

— Ваше имя там звучит чаще других. Особенно в последние дни.

— Почему?

— Потому что вы — последний Пайк. А Пайки всегда присматривали за дверью.

Гус почувствовал, как по спине пробежал холод. Кора сидела неподвижно, только пальцы её едва заметно сжались на краю стола.

— Где вход? — спросил Гус.

— Там, где вы не решитесь копать.

— А всё-таки?

Библиотекарь улыбнулся. Улыбка вышла сухой, как старая газета.

— Под вашим же домом, господин Пайк. Вы всегда спали над дверью. Просто не знали.

Гус встал.

— Спасибо.

— Не благодарите. Я всего лишь прочитал то, что вы уже знали.

Он снова открыл книгу. Страницы были пустыми.

— Идите. Пока туман не сменился дождём.

Они шли обратно молча.

Город менялся. Не внешне — внутренне. Дома стояли те же, но окна их, казалось, следили. Двери были приоткрыты, хотя не было ни ветра, ни движения. Деревья наклонились ниже, будто прислушивались.

— Ты веришь ему? — спросил Гус.

— Библиотекарю? Он не врёт. Он вообще не умеет. Потому и застрял.

— А если под моим домом действительно дверь?

— Тогда придётся открыть.

— А если не открывать?

Кора остановилась. Взяла его за локоть. Развернула к себе.

— Август, ты уже открыл. В ту ночь, когда послушал скрип. Всё остальное — формальность.

Он посмотрел на неё. В её зрачках что-то дрогнуло. Не отражение. Что-то своё, живое.

— Я боюсь, — признался он.

— Значит, ты ещё человек. Это хорошо.

— А если я перестану бояться?

— Тогда будет поздно.

Она отпустила его. Ветер принёс запах дыма. Не от костра. Сладкий, как горелый сахар.

Гус поднял воротник.

— Пойдём. Нам нужно попасть в подвал до темноты.

Похоронное бюро встретило их тишиной и запахом старых свечей.

Гус отпер дверь, пропустил Кору вперёд. В приёмной было холодно, как в склепе. Часы на стене стояли. Стрелка — на восьми. Но теперь под часами, на полу, лежали три каштана. Ровным треугольником.

— Он приходил, — сказала Кора.

— Или оставил, когда мы были у него.

— Нет. В доме этих каштанов не было. Я бы заметила.

Гус наклонился, поднял один. Каштан был тёплым.

— Значит, он здесь, — сказал он.

— Или был.
Они переглянулись.
— В подвал? — спросила Кора.
— В подвал.

Лестница в подвал оказалась на месте. Обычная, деревянная, с девятью ступенями. Гус спускался первым, держа лампу. Свет дрожал, выхватывая из темноты стеллажи, ящики, старую утварь.

Внизу пахло землёй, воском и чем-то ещё. Сладким.

— Свёрток, — прошептал Гус.

Он лежал там же, на полке, под мешковиной. Но теперь бумага на нём была разорвана. Не разрезана, а именно разорвана изнутри.

— Он открылся, — сказала Кора.

— Или его открыли.

Гус снял мешковину. Внутри свёртка, среди бурых обрывков, лежал ключ. Старинный, бронзовый, с бородкой в форме полумесяца.

— Это ключ от той двери, — выдохнула Кора.

— Да. И теперь я знаю, где её искать.

Он поднял ключ. Тот был ледяным, несмотря на тёплый подвал.

— Где? — спросила Кора.

— Там, где каштаны.

Они обернулись одновременно.

В дальнем углу подвала, за старым шкафом, в стене чернел проём. Не было его раньше. Не могло быть.

Из проёма тянуло патокой.

И где-то в глубине, далеко, как эхо в колодце, раздался детский смех.

На этот раз — весёлый.

Глава 5. Те, кто внизу, не спят

Никогда не спускайся в подвал с чужим ключом в кармане. Особенно если ключ тёплый.

— из записной книжки Флоры Нокс

Проём был не просто дырой в стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.